

ПРОЛОГ

Мы невольные хранители тайн наших родителей, рябь, вызванная камнями, которые мы никогда не видели брошенными. Если я закрою глаза и вдохну, то все еще буду ощущать тот сверкающий хрупкий миг, разрушивший мое доверие к отцу и разбивший его сердце; почувствую мед обещаний моей матери.

Возможно, вы тоже ощутите эти запахи, и даже больше. Клокочущую ярость мальчика, слишком напуганного, чтобы дать волю гневу. Резкое, будто вспышка, оцепенение девочки, потерявшей все в тот момент, когда она решилась на *Поступок*. Запахи дождя, морской соли и едва уловимого дыма трубочного табака. То, что случилось, прежде чем ты нашел свой путь ко мне.

Я чувствую, как ты, моя маленькая рыбка, плывешь в потоке моей крови, моего дыхания. Мы, люди, почти полностью состоим из воды, в которой попадают камни наших тайн. Пусть мои камни станут той твердью, где ты сможешь встать на ноги, когда окунешься в водоворот своей жизни. Пусть они не задавят тебя, а послужат для строительства дома. Это мой подарок тебе.

Позволь мне рассказать одну историю.

Позволь мне рассказать все.

Островам посвящается.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОСТРОВ

НАЧАЛО

В незапамятные времена я жила с отцом на острове, затеряншемся в бескрайнем архипелаге. Остров будто выныривал из холодной соленой воды, жадно хватая воздух. Когда растешь среди дождя, мха и древних деревьев с толстой корой, легко забыть, что большая часть твоего острова находится под водой, спускаясь на две, три, пять сотен леденящих душу футов. На самом деле то, что под водой, кажется бесконечным, потому что вы никогда не сможете задержать дыхание настолько, чтобы добраться до дна.

Эти острова были приютом для беглецов, хотя в то время я этого не понимала. Мне не от чего было бежать, и у меня имелись основания там оставаться. Отец был для меня всем. Мне доводилось слышать, как кто-то говорил о ком-то: «этот человек — весь мой мир». При этом глаза говорящего сияли, как звезды. Мой отец тоже был моим миром. Он играл настолько большую роль в моей жизни, что я до сих пор нередко думаю об этом и это повергает меня в совершенное смятение.

Наша хижина стояла на поляне в центре острова. Мы были не первыми, кто поселился там, — эти острова имеют долгую историю беглецов. Почти столетие назад здесь селились французские охотники за мехами, говорившие с необычайно ярким, переливчатым акцентом. Лесорубы с богатырскими плечами и рыбаки, ценившие серебристого лосося. Позже, прячась от войны, пришли уклонисты.

ЭРИКА БАУЭРМАЙСТЕР

Хиппи, не признававшие правил. Острова поглотили их всех, а штормы и долгие темные зимы снова выплюнули большинство из них. Необузданная красота этих мест легко изумляла и так же легко могла убить.

Нашу хижину построил самый настоящий беглец. Он поселился в таком месте, где его никто не мог найти, и построил свой дом из деревьев, которые сам же и срубил. Этот человек провел на острове сорок лет. Он расчищал место для сада и сажал фруктовые деревья. А потом, однажды осенью, просто исчез. Говорят, утонул. После этого хижина пустовала долгие годы, пока не приехали мы. Найдя яблоню рядом, мы открыли ее дверь и увеличили население острова до двух человек.

Я была слишком мала и не запомнила наше прибытие на остров. Помню только, что жила там. Помню тропинки, блуждавшие между деревьев, бдительно стоявших на страже, как в сказках, а также запах земли под нашими ногами, богатый и необычный, глубокий и особенный. Помню единственную комнату хижины, большое кресло у дровяной печи, сборник волшебных историй и коллекцию научных книг. Помню запах древесного дыма и сосновой смолы от бороды моего отца, когда он читал мне по вечерам, и призрачный аромат трубочного табака — обонятельное напоминание о беглеце, которое впиталось в стены и никогда полностью не исчезало. Помню, как дождь, казалось, говорил с крышей, когда я засыпала, и как огонь в печи трещал и требовал тишины.

Больше всего мне запомнились ящички. Это были самые таинственные ящички, которые я когда-либо видела.

Мой отец начал мастерить их, как только мы поселились в хижине, и вскоре они выстроились вдоль наших стен от пола до потолка. Ящички были маленькими, их полированные деревянные поверхности были не больше детских ладоней. Но их было много, они буквально окружали нас, как лес и острова за дверью.

ХРАНИТЕЛЬНИЦА АРОМАТОВ

В каждом лежала одна маленькая бутылочка, а внутри каждой бутылочки — таинственный листок бумаги, свернутый рулончиком. Стеклянные пробки были запечатаны воском разных цветов — красным в верхних рядах, зеленым — в нижних. Мой отец почти никогда не открывал эти флаконы.

— Мы должны бережно хранить их, — говорил он.

А мне казалось, я слышу, как шепчутся листки бумаги в ящичках.

Приди и найди меня.

— Ну, пожалуйста! — просила я снова и снова.

Наконец отец согласился. Он достал книжку в кожаном переплете, со столбиками цифр, и аккуратно добавил к списку еще одну. Затем повернулся к стене с ящичками, обдумывая, какой выбрать.

— Там, наверху, — сказала я, указывая на флаконы, запечатанные красным воском.

Истории всегда начинаются в верхней части страницы.

Когда-то мой отец соорудил высокую лестницу и теперь поднялся по ней почти до потолка, потянулся к ящичку и вытащил флакон. Спустившись, он осторожно сломал печать. Я слышала, как стекло скреблось о стекло, когда он вытаскивал пробку, затем шорох бумаги, когда он разворачивал ее. Поднеся гладкий белый квадрат ближе к носу, он глубоко вдохнул и записал в блокнот еще одну цифру.

Я невольно подалась вперед. Отец поднял глаза и улыбнулся, протягивая мне листок.

— Вот, — сказал он. — Вдохни, но не слишком глубоко. Пусть запах сам себя представит.

Я сделала, как он сказал. Напрягла грудную клетку, стараясь дышать неглубоко, и почувствовала, как щекочущие нос струйки аромата ускользают и теряются в завитках моих черных волос. Ощутила запахи костров, разведенных из незнакомого мне дерева; земли, более сухой, чем я когда-либо встречала; влаги, готовой вырваться из столь

ЭРИКА БАУЭРМАЙСТЕР

необычных облаков в небе, что я таких раньше и не видела. Пахло ожиданием.

— Теперь вдохни глубже, — сказал отец.

Я вдохнула и провалилась в аромат, как Алиса в кроличью нору.

Позже, когда бутылочка была закупорена, запечатана и водворена обратно в ящичек, я повернулась к отцу, все еще чувствуя остатки аромата, настойчиво витавшего в воздухе.

— Расскажи мне его историю, — попросила я. — Пожалуйста!

— Хорошо, жаворонок, — согласился отец. Он сел в большое кресло, а я устроилась рядом с ним. Огонь потрескивал в дровяной печи, мир снаружи был спокоен.

— Во времена забытых тайн, Эммелайн... — начал он, и ритм его речи обволакивал меня, как стихотворение, а слова казались сделанными из шоколада.

Во времена забытых тайн, Эммелайн, жила-была прекрасная королева, заточенная в огромном белом замке. Никто из легендарных рыцарей не мог спасти ее.

— *Принеси мне запах, который разрушит стены, — попросила она храброго юношу по имени Джек...*

Я замороженно слушала, а запахи тем временем находили свои тайные укрытия в трещинах половиц, в словах рассказа и в дальнейшей моей жизни.

ОХОТНИК ЗА ЗАПАХОМ

После этого я каждый день спрашивала:
— Пожалуйста, мы можем открыть еще один?
■ В конце концов он уступал, но не так часто, как мне хотелось бы.

— Флаконы защищают бумагу, — говорил он. — Если мы будем открывать их слишком часто, запах исчезнет.

Для меня это выглядело бессмыслицей. Запахи были как дождь или птицы. Они уходили и возвращались обратно. Они рассказывали вам свои собственные истории, сообщая, что прилив был низким, или когда была готова овсянка, или что яблони вот-вот зацветут. Но они никогда не оставались.

Однако, даже будучи маленьким ребенком, я понимала, что эти ароматические бумажные листочки были другими, какими-то волшебными, наверное. Они удерживали целые миры. Я могла распознать лишь их небольшую частичку — запах плода, но более насыщенный и сладкий, чем все, что я когда-либо пробовала. Или животное, самое ленивое из тех, кого я когда-либо встречала. Многие запахи были совершенно чужими — резкими и быстрыми, мягкими и тревожащими.

Я мечтала погрузиться в эти миры, чтобы понять, что заставляет их пахнуть. Еще больше мне хотелось быть Джеком — охотником за запахами, героем отцовских рассказов, скользить под сенью мокрых джунглей и взбираться

ся на вершины гор, чтобы уловить аромат одного крошечного цветка.

— Как ему это удалось? — спросила я у отца. — Как Джек нашел эти запахи?

— Следуя за ним, — улыбнулся он и многозначительно постучал меня по носу.

Я задумалась.

— Как это возможно? — наконец спросила я.

Отец снова улыбнулся.

— Просто не стой у него на пути.

Мне было не совсем понятно, что он имел в виду, но с тех пор я изо всех сил старалась, чтобы мой нос вел меня, и послушно следовала за ним. Я задирала его каждый раз при смене погоды, а затем изучала запах земли, чтобы понять, как она реагирует. Аромат морской соли постоянно кружил в воздухе, но, вдохнув глубже, я замечала, что он становится насыщеннее, когда разбиваются волны. Я уловила аромат яркой зелени, проходящий сквозь дугласовы ели, как водопад, и проследила за ним до бриза, который пронесся по верхушкам деревьев, задевающих друг друга иголками.

Каждый день на рассвете я спускалась с чердака, полная решимости найти все запахи, какие только смогу.

— Ты мой будильник, — шутил отец, услышав грохот моих шагов на лестнице. — Мой утренний жаворонок.

Большую часть времени мы проводили вне дома. Разводили цыплят, чтобы иметь возможность есть яйца, ухаживали за фруктовыми деревьями и огородом. Тем не менее основная часть нашей пищи бывала добыта с диких участков острова. Я не могу вспомнить время, когда бы не была частью этого процесса, и к восьми годам уже считала себя важным, если не совсем равным, партнером в борьбе за наше выживание.

ХРАНИТЕЛЬНИЦА АРОМАТОВ

— Фуражиры пируют, — шутил отец, и мы отправлялись в лес с корзинами, сплетенными из кедровой коры. Летом собирали ярко-красные хаклберри, а ягоды салала были настолько темно-синими, что казалось, ты держишь ночь на ладони.

Помню, однажды осенью мы искали грибы, прячущиеся под деревьями, — я была очарована замысловатыми сморчками, каждый из которых представлял собой лабиринт укромных уголков и щелей.

— Расскажи мне историю, — снова попросила я отца. Убрала непослушные локоны с лица и посмотрела на него снизу вверх. — Ну пожалуйста!

Он глянул на меня с высоты своего роста и на мгновение задумался, рассматривая сморчок в моей руке.

— Во времена забытых тайн, Эммелайн, — начал он, — Джек очутился в заколдованном лесу, где деревья были высотой до самого неба. В лесу обитала прекрасная чародейка, которая жила в особняке, переполненном ароматами. Джек сразу влюбился, как только увидел ее. Как-то она привела его в свой великолепный дом. Оказавшись там, он понял, что не сможет выбраться...

— О нет! — воскликнула я, дрожа от страха.

— Мне продолжать? — спросил отец.

— Да, пожалуйста.

— «Я не отпущу тебя», — сказала чародейка и повела его в комнату, наполненную таким волшебным ароматом, что Джек забыл о внешнем мире. Всякий раз, когда он начинал вспоминать, она показывала ему другую комнату, более очаровательную, чем предыдущая.

Джек бродил по этому особняку годами, пока однажды не обнаружил комнату, которую никогда раньше не видел. Когда он вошел, то почувствовал запах, который словно разбудил его, и Джек вспомнил все, о чем мечтал, кем хотел быть, что собирался сделать. Оглядевшись, он увидел ключ, висящий на голубой ленте на крючке рядом с дверью.